

ЮЛИЯ ПЕНТРИ

Пепел

РОМАН О СИЛЕ НАСТОЯЩЕЙ
ЛЮБВИ

Юлия Пентри

**Пепел. Роман о силе
настоящей любви**

«Издательские решения»

Пентри Ю.

Пепел. Роман о силе настоящей любви / Ю. Пентри —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908276-3

Шёл 1432 год, и им обоим — и Доротее, и Томасу — было по двенадцать лет. Молодые люди знали друг друга совсем недолго, но между ними сразу завязалась крепкая дружба. Оба были юны и полны надежд, как бывают полны надежд те, кто только покинул родительский дом, оба только начинали свой путь по миру, ещё не зная, сколько счастья и сколько горя уготовила им судьба. Не знали они и то, что вскоре от них двоих будут зависеть жизни тысяч людей, живущих не только в Испании, но и далеко за её пределами.

ISBN 978-5-44-908276-3

© Пентри Ю.
© Издательские решения

Содержание

1. Томас и Доротеа	6
2. Сияющий город	8
3. Незнакомец	10
4. Пираты	12
5. Латиф из Висалы	14
6. Башня Калаорра	16
7. Комендант	20
8. Ужин на постоялом дворе	24
9. Спасение	27
10. Благодарность	29
11. Когда я потерял надежду	31
12. Последний разговор	33
13. Госпожа	35
14. Утро во дворце и запрет на поцелуи	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пепел

Роман о силе настоящей любви

Юлия Пентри

© Юлия Пентри, 2018

ISBN 978-5-4490-8276-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Томас и Доротеа

– Мы могли бы жить здесь, в Кордове, – сказал юноша своей спутнице.

– Жить в Кордове... Ты видел эту рухлядь, в которой я ночую и которую ты называешь жильём, Томас?! – с горечью в голосе ответила она.

– Тогда мы могли бы жить во Вальядолиде, – пожал плечами Томас, не видя поводов для беспокойства. – У меня там прекрасный дом, Доротеа. И моя семья не бедна: у нас не только самый большой и красивый дом, но и хорошие сбережения; ты ни в чём не будешь нуждаться. К несчастью, мой замок сгорел ещё до того, как я родился. Но мне всё ещё принадлежит большая часть земли и даже прилегающие к ней деревни. А замок я снова отстрою.

– Значит, ты принц! – развеселилась девушка. – Ты мой принц со сгоревшим замком, вот кто ты!

Сказав это, она рассмеялась, ласково посмотрела на Томаса, сидевшего с ней рядом на тёплой вялой траве, вплотную к нему придвинулась и положила свою маленькую головку ему на плечо.

«Я стану принцем, моя дорогая, – думал Томас, обнимая её за плечи. – Я стану им, если ты так хочешь».

Шёл 1432 год, и им обоим – и Доротее, и Томасу – было по двенадцать лет. Молодые люди знали друг друга совсем недолго, но между ними сразу же завязалась крепкая дружба, которая быстро переросла в нежную влюблённость. Оба были юны и полны надежд, как бывают полны надежд те, кто только покинул родительский дом, оба только начинали свой путь по этому миру, ещё не зная, сколько счастья и сколько горя уготовила им судьба. Не знали они и то, что вскоре от них двоих будут зависеть жизни тысяч людей, живущих не только в Испании, но и далеко за её пределами.

Ночь была синей, бархатной и тёплой. Доротеа, подперев руками подбородок, сидела на кровати и вглядывалась в чёрное небо, озарённое жёлтым светом полной луны. Она думала о том, что никогда ещё не была так счастлива, как сейчас. У неё не было ничего на этом свете: ни денег, ни друзей, ни даже светских манер, которые бывают у хорошеньких девушек её возраста. У неё не было никого, кто мог бы научить её таким манерам, кто мог бы научить её читать, писать или танцевать. Всё это – прекрасное светское образование – было у Томаса. Два года назад мать Доротеи умерла от чахотки, а отца девочка никогда и не знала. Братьев и сестёр у неё тоже не было, поэтому последние годы она провела в этой полуразвалившейся хижине на южном берегу реки Гвадалквивир, совершенно одна. Денег у сироты не водилось, а всё что она ела, росло прямо у неё под окном: большое развесистое оливковое дерево с сочными мягкими оливками. И, конечно, ей доставалось всё то, что она находила на Пласа-дела-Корредера, когда торговцы покидали расположенный там рынок, оставляя на земле сгнившие овощи и фрукты непригодные для продажи. Ещё недавно Доротеа была безумно голодна и бесконечно несчастна, а потом она встретила Томаса. Вечером на рыночной площади, когда все уже разошлись, девочка, по своему обыкновению сидя на корточках, ощупывала землю руками в поисках съестного. Было уже достаточно темно и ей приходилось напрягать зрение, чтобы не упустить из вида какой-нибудь гнилой овощ, который мог бы сгодиться для скудного ужина. И тут её рука нащупала что-то очень похожее на большой грецкий орех в твёрдой шершавой скорлупе. Доротеа была так голодна, что даже не подумала усомниться в правильности своего предположения, и тут же припала к находке губами, пытаясь отгрызть кусочек.

– Скажите, любезная, зачем вы едите мой ботинок? – Донёсся до неё насмешливый голос сверху. Доротеа высунула голову из-под прилавка и увидела перед собой юношу с чёрными кудрявыми волосами, которые игриво разлетались по сторонам при каждом дуновении ветра.

– Простите! – испуганно воскликнула она. – Я думала, что нашла кое-что съедобное.

– Если вам так нравится есть ботинки, тогда я с радостью отдам их вам, – сказал юноша и заговорщески подмигнул. – Но не думаете ли вы, что жареный цыплёнок намного вкуснее этих старых калош? Давайте совершим обмен: вы больше не будете покушаться на мою обувь, а я дам вам половину своего цыплёнка, который у меня сегодня на ужин?..

Несмотря на то, что мать, когда была жива, возбраняла Доротее ходить с незнакомцами куда бы то ни было, и даже запрещала говорить с ними, девочка послушно зашагала рядом с этим юношей с кудрявыми волосами. То ли голод и обещанный цыплёнок заставили её подняться и молча последовать за ним, то ли ласковый голос, которым он говорил с ней, были тому причиной, в любом случае, тем вечером Доротея не только сытно поужинала, но и обрела в лице этого юноши верного друга. По крайней мере, она была уверена, что обрела его, и что их дружба принесёт ей удачу. В то время Доротея не имела ни малейшего представления о том, что их случайная встреча предвещает Европе самые тёмные времена, которые когда-либо были здесь известны, и что вся мировая история, ещё пока неосознанно, но уже очень стремительно начала изменять свой ход.

2. Сияющий город

«Я никогда раньше не был в Кордове, но мне иногда кажется, что мне знакома здесь каждая улочка. Дом не там, где ты родился, а там, где тебе хочется остаться. Кордова – место, в котором я хотел бы остаться навсегда. Я люблю неспешно гулять по мощёным камнями мостовым и теряться в бесчисленных переулках этого города, люблю смотреть как на фоне белокаменных домов алеют герани, которые растут здесь повсюду, люблю вдыхать горячий пар Халифских бань, затопленных ещё с ночи. Я часто хожу по Римскому мосту и смотрю как золотится колокол Мескиты ранним утром, когда ещё тихо и весь город спит. Но больше всего мне нравится наблюдать за караульными на форте Калаорра, – мы часто следим за ними вместе с Доротеей. Это наше излюбленное занятие: придумывать план незаметного проникновения на форт. Мы хотим проникнуть туда не из каких-то ребяческих шалостей или плохих побуждений: мы хотим забраться на самый верх башни и посмотреть на Сияющий город.¹ Люди говорят, что Сияющий город расположен в нескольких километрах отсюда, и что он настолько красив, что если смотреть на него сверху, сердце любого, даже самого жестокого в мире человека, до краёв наполнится чистой божественной любовью. Как бы мне хотелось увидеть Сияющий город вместе с Доротеей, как бы мне хотелось, чтобы наши с ней сердца наполнились этой любовью!

Я оставил родной дом, чтобы изведать новые города, в которых меня никто не знает и в которых я ничего не значу – ведь только так я могу понять, какую дорогу мне выбрать: ту, что ведёт домой, или ту, что ведёт от дома. Я уверен, что у каждого человека есть свой Сияющий город, о котором он тайно мечтает. Вот и я, наконец, подошёл к воротам своего: стоит лишь добраться до фортовой башни и произнести клятву, которую мы с Доротеей уже придумали. Когда мы окажемся на самом верху, возьмёмся с ней за руки, и скажем следующее:

– Клянусь всегда любить того, кто стоит сейчас рядом со мной.

Сначала мы придумали эту клятву, чтобы позабавиться и придать моменту больше таинственности. Но теперь эти слова очень много для меня значат, – они значат наше общее с ней воспоминание, то, что навсегда нас свяжет. По крайней мере, мне бы очень хотелось, чтобы это воспоминание нас связало. Мне кажется, у нас с Доротеей одна душа на двоих, что до того, как мы встретились, у меня была одна половинка, а у неё – другая. Я знаю, что такая дружба бывает только раз в жизни, я также знаю, что Доротея чувствует ко мне то же.

Сегодня мы встретимся на закате у главных ворот городского рынка. И я решил, что сегодня же сделаю ей подарок: куплю небесного цвета бусы, которые мы вчера видели у торговца из Константинополя. Эти бусы так ей понравились, что разглядывая их, она потеряла всякий счёт времени, и простояла над ними, наверное, с четверть часа. Эти бусы действительно хороши: они такого же цвета, как и глаза Доротеи. Я ничего не скажу ей заранее, а приглашу прогуляться среди прилавков, как мы обычно это делаем. А когда подойдём к торговцу из Константинополя, я уговорю её примерить их. Она наверняка будет отказываться и говорить, что ей не хочется мерить каких бы то ни было украшений, но я незаметно протяну деньги торговцу и шепну, чтобы он тоже стал её уговаривать. И тогда Доротея согласится. Когда же она застегнёт их на своей шее, я скажу, что она самая красивая девушка в Кордове, а эти бусы – мой ей подарок в знак нашей крепкой дружбы. Не могу дождаться момента, чтобы увидеть, как она вскинет от удивления свои бровки и захлопает длинными густыми ресницами, как она это всегда делает, когда удивляется. Не могу дождаться вечера, чтобы снова увидеть её, мою маленькую красавицу».

¹ Сияющий город – имеется в виду Медина Асаара – дворцовый город, расположенный в восьми километрах к западу от Кордовы.

– Но мне нечего подарить тебе взамен, – сказала Доротеа и с грустью посмотрела на Томаса.

– Ты каждый день даришь мне свою улыбку, – ответил он ласково.

Доротеа провела рукой по голубым бусам на своей шее.

– Я никогда не забуду сегодняшний день. И никогда не забуду ни подарок, который ты мне сделал, ни тебя самого. – И она взяла руку Томаса в свою.

Эти слова проникли молодому человеку глубоко в сердце, и остались там навсегда.

– Доротеа... – позвал он словно издалика.

– Да? – тут же откликнулась девушка и посмотрела на него своими большими небесными глазами. Но не дождавшись ответа, спросила: – Так что ты хотел мне сказать?

Томас долго молчал, а затем весело произнёс:

– Пойдём наблюдать за караульными на фортовой башне?

3. Незнакомец

Жители Кордовы уже вторую неделю изнемогали от жары, которую послало на их головы небо, и в этом пекле, установившемся в июле 1436 года, раскалялись крыши домов, каменные мостовые и даже песок на глубине целого метра. Изнурённым жарой людям не хотелось ни говорить, ни двигаться, и к полудню город погрузился в полную тишину. По улочкам устало плелись торговцы с большими тяжёлыми корзинами, в которых они несли зелёные оливки и свежий хлеб, а по Римскому мосту, время от времени, медленно проезжала повозка запряжённая еле волощачей копытами лошадей.

Томас и Доротеа покинули свои дома ещё на рассвете, чтобы укрыться в тени густого леса росшего к востоку от города. Они облюбовали место на склоне, и сейчас оба лежали на тёплой земле закрыв глаза, с головы до ног погрузившись в густую траву.

– Хорошо, что мы рано проснулись и нашли это место, – сказал Томас. – Мне бы не хотелось сейчас лежать в душной маленькой комнате.

– Да, – согласилась Доротеа. Немного помолчав, она спросила: – Если мы отправимся во Вальядолид, думаешь, твоя семья примет меня?

– Конечно, примет, – в голосе юноши слышалось беспокойство. – Почему ты спросила?

– Я часто думаю об этом. Думаю, что не ровня тебе. Что это всё слишком хорошо: сытная еда, одежда, которую ты мне покупаешь. У меня никогда раньше этого не было, и теперь я не знаю, чем заслужила такое счастье.

– Тебе не нужно заслуживать счастье, Доротеа, – ответил он ласково. – Я покупаю всё это потому, что ты для меня очень много значишь. У меня всегда были деньги, но я никогда не был счастлив. И тут появляешься ты со своей наивностью и беззаботностью, с горящими голубыми глазами, с волосами цвета пшеницы, которые у тебя до самой земли, но главное – ты открываешь передо мной своё сердце. Всех денег мира не хватит, чтобы дать тебе жизнь, которую ты на самом деле заслуживаешь.

Пока Томас говорил, Доротеа широко улыбалась, но он не видел её улыбки, как не видел и того, что через пару минут её беззаботное счастье сменилось внезапным ужасом. Томас продолжал говорить и тогда, когда Доротеа позвала его тихим голосом, и лишь когда она испуганно вскрикнула, он замолчал и непонимающе на неё уставился. Доротеа смотрела куда-то вдаль, сквозь него, и её лицо слегка побледнело. Томас обернулся и увидел, что так напугало её; он тут же вскочил и выхватил из ножен шпагу. Оттолкнув Доротею за спину, он направил оружие в сторону человека, стоявшего перед ним.

– Не приближайтесь ни на шаг и сохраните себе жизнь! – пригрозил Томас незнакомцу.

– Прощу меня извинить, – спокойным голосом ответил тот. – Я не хотел напугать вас, сеньорита, – и он пристально посмотрел на Доротею. Заметив это, Томас приблизил острие шпаги к его шее. – Я не хотел напугать и вас, сеньор, – всё таким же ровным голосом закончил он.

– Вы не напугали меня, – возразил Томас.

Незнакомец испытывающе и с интересом разглядывал их обоих, пока Доротеа не сказала:

– Послушайте, сеньор, мы никому не хотим причинить вреда. Если вы благородный человек, а вы человек благородный, я это вижу, скажите нам, что вы от нас хотите.

– Вы очень любезны, сеньорита, – незнакомец улыбнулся. – Только я не могу обсуждать что бы то ни было, когда у меня приставлена к горлу шпага.

– Вам придётся с этим смириться, сеньор, – ответил Томас. – Шпага будет приставлена к вашему горлу до тех пор, пока вы не назовёте причину визита. А может быть, и дольше.

– Вы очень храбрый молодой человек, – незнакомец развеселился, а в его глазах заиграли задорные огоньки. – Со мной никто и никогда ещё так не говорил!

– Очень рад, что у вас сегодня премьера. А теперь, не могли бы вы быть так любезны сообщить нам, почему вы здесь?

– Я здесь по очень простой причине, – ответил он тепло и без страха, будто вёл беседу со старым другом. – Я очень люблю гулять в этих местах, а учитывая, что день сегодня выдался жарким, то выбрал для прогулки ту часть леса, которая особенно густа и прохладна.

– К сожалению, вам придётся гулять где-нибудь в другом месте, потому что здесь уже гуляем мы, – сказал Томас голосом, не терпящим возражений.

– Да, вы правы, – согласился тот. – Пожалуй, мне лучше уйти. Ещё раз прошу прощения у сеньориты за то, что напугал её, и желаю вам хорошего отдыха.

Сказав это, он сделал шаг назад и дружелюбно кивнув Доротею, послал ей своё извинение. Томас опустил руку, но не стал убирать шпагу в ножны.

– Вам нечего бояться, – сказал нежданный гость напоследок, – в этом лесу всё спокойно. Вы можете оставаться здесь столько, сколько хотите, и приходить сюда тогда, когда хотите.

– Ещё бы, – отозвался холодно Томас. – Мы и без вас знаем, что можем сюда приходить когда хотим.

Заслышав это, незнакомец громко рассмеялся, словно услышал хорошую шутку. И только сейчас Томас заметил, что этот человек был одет очень богато, и что лицо его имело восточные черты. Смуглая гладкая кожа, густые волосы цвета смолы и большие карие глаза, которые смотрели на всё немного свысока, рассудительный уверенный голос и гордая осанка не покидавшая его даже в тот момент, когда кончик клинка касался его шеи, – всё выдавало в нём благородное происхождение и невероятную выдержку, которая бывает у закалённых в бою воинов. Но Томасу было всё равно кто этот человек, так напугавший Доротею, и он думал лишь о том, чтобы этот наглец катился отсюда ко всем чертям, да побыстрее.

– До свидания, сеньорита, – попрощался богатый сеньор и ослепительно ей улыбнулся. – Надеюсь, когда-нибудь ещё с вами встретиться. И с вами, сеньор.

Бросив на Томаса беглый взгляд, он неспешно направился в глубь леса. Когда он скрылся, Доротея сказала:

– Мне кажется, мы с ним очень грубо обошлись, ведь он не хотел ничего плохого.

– Ты слишком доверчива, – отозвался на это Томас. – И мы не знаем, чего он хотел на самом деле. Не стоит сегодня больше оставаться здесь: пойдём лучше домой, пока совсем не стемнело.

И оба направились по узкой лесной тропинке, что вела в город. В городе молодые люди нежно распрощались друг с другом, и пожелав доброй ночи, условились встретиться на следующий день.

4. Пираты

В одной из таверн, расположенной на Пласа-дель-Порто, сегодня было особенно шумно: этой ночью сюда съехались городские воры, попрошайки, куртизанки и всякого рода люди, имевшие репутацию не самых законобоязненных граждан и промышлявшие не самыми богоугодными делами. Вся эта публика пришла сюда, чтобы посмотреть на сеньора Эрнесто – бывшего морского пирата, прославившегося тем, что он стащил у английской короны два сундука с золотом и пять с серебром, и припрятал их на одном из островов в Карибском море. На каком именно острове находились сокровища, никто точно не знал, а потому сеньор Эрнесто быстро стал персоной легендарной и даже мифической, а слух о нём, а скорее о его кладе, быстро разнёсся по всей Кастилии.

Эрнесто покинул родную Кордову будучи бедным и безызвестным юношей, а тридцать лет спустя вернулся сюда богатым и знаменитым сеньором. И несмотря на то, что слава и деньги достались ему благодаря разбойничеству, кордовчане снисходительно смотрели на подобного рода профессию, и после того, как весть о пирате разнеслась по всей стране, сами кастильцы стали всё чаще подумывать о том, чтобы тоже сделаться пиратами и где-нибудь припрятать пару сундуков с золотом.

– Да, я пью по воскресеньям ром вместо того, чтобы ходить в церковь, – сказал Эрнесто и поднял кубок высоко над столом. – Но это не значит, что я не попаду в рай. Может быть, самому Богу было угодно сделать меня пиратом. Кто-то ведь должен взяться за грязную работёнку и избавить страну от варваров, подступающих к Кастилии с моря. Вот за эту-то грязную работёнку Господь и заплатил мне денежными сундуками!

И Эрнесто разразился громким протяжным смехом. Посетители таверны стали выкрикивать одобрения в его адрес и тоже подняли кубки.

– За Эрнесто! – сказал хозяин таверны, стоявший посреди зала с только что откупоренным бочонком рома. – За храброго капитана и уважаемого сеньора!

Сказав это, хозяин таверны поднёс к губам бочонок и стал с жадностью из него пить.

– За Эрнесто! – подхватили остальные.

Лишь один человек в таверне не предавался всеобщему веселью, царившему здесь. Он сидел в самом тёмном углу комнаты и преспокойно доедал свой ужин. Среди всей этой подвыпившей публики, без стеснения ругавшейся при дамах и не отличавшейся учтивостью, этот человек, казалось, был здесь случайным зрителем. Его манеры оставались изысканными даже тогда, когда он ел молочного поросёнка, а в выпивке он был также сдержан, как и в словах. И когда жена хозяина таверны убирала со стола тарелки, этот человек щедро с ней расплатился и поблагодарил за ужин, чем немало удивил женщину: благодарность за свою обычную работу кухарки она слышала, наверное, впервые. Этого человека звали Алонсо и он не был случайным зрителем, а был давним другом сеньора Эрнесто, и также как и сеньор Эрнесто, бывшим морским пиратом. И хотя Алонсо был полной противоположностью Эрнесто, это не помешало их дружбе, длившейся уже более десяти лет. Оба сражались рука об руку, делили последние крошки, переживая плохое время и смеясь в хорошее. Эрнесто был вспыльчивым характером и любил золото, Алонсо же отличался невероятным спокойствием и равнодушием к мирским наслаждениям, а также к деньгам. Эрнесто был падок на женщин и стремился к славе, Алонсо любил лишь однажды и предпочитал вести размеренную тихую жизнь.

– Какого чёрта ты делаешь на моём корабле, дружище? – говорил Эрнесто хлопая Алонсо по плечу, когда в один из дней они пристали к Британии. – Я всё никак не могу понять: какого дьявола ты ищешь в море?! Тебе бы найти хорошую жёнушку, чтоб родила с десяток детишек, и дом в каком-нибудь тихом скучном местечке. А вместо этого ты швыряешь снаряды по каравеллам и размахиваешь шпагой!

И Эрнесто залился своим обычным раскатистым хохотом, сотрясавшим воздух вокруг.

– Сегодня ты дворянин, а завтра – пират, – отвечал на это Алонсо. – Никто не может предсказать наперёд, что уготовила нам судьба.

– Неплохое чувство юмора у нашего Создателя, раз тебя он посылает в подобную авантюру. Кто знает, может ты и прав, и завтра я вполне могу сойти за достойного дворянина и благополучно перееду жить во дворец!

Довольный собственной шуткой, Эрнесто широко улыбнулся и подумал о том, как неплохо, должно быть, жить во дворце: придворные дамы известны не только своей красотой, но и своей падкостью на золото, а золота у Эрнесто было достаточно.

В Британии они достали себе карраку,²вернее Эрнесто и его команда её украли, вышвырнув за борт англичан, и на всех парусах уплыл по направлению к Кастилии. И вскоре корабль вошёл в порт Сантандер, заблаговременно вывесив кастильские флаги. Никто не видел здесь ранее ничего подобного: пятьдесят метров в длину, три огромные мачты, паруса, прошитые лучшими льняными и золотыми нитками, величаво раздувавшиеся на ветру – первая каррака, пришвартованная у берегов Кастильского королевства представляла собой потрясающее и пугающее зрелище, казавшееся горожанам настоящим морским чудовищем. И во главе этого чудовища стоял сам капитан Эрнесто.

Удивительно, что при такой профессии Эрнесто удалось остаться целым и невредимым, и даже дожить до глубокой старости. Впрочем, Алонсо тоже это удалось; и теперь они оба могли в полной мере наслаждаться беззаботной жизнью в Кордове, предаваясь сладостным воспоминаниям прошлого.

² Каррака – крупнейшее парусное судно Европы в 15—16 веках.

5. Латиф из Висалы

– Какая прекрасная карета! – воскликнула Доротеа, когда экипаж с грохотом промчался мимо.

– У меня во Вальядолиде тоже есть карета, – заметил Томас.

– Как думаешь, она из золота? – Доротеа словно не слышала его.

– Должно быть, – как можно равнодушнее ответил Томас.

«Глупая девчонка! – с горечью думал он, видя, с каким восхищением Доротеа смотрит вслед богатому экипажу. – Неужели ты не знаешь, что эта карета не для тебя? Не знаю, почему это злит меня, когда ты стоишь вот так, посреди улицы, и заворожено смотришь на все эти дворцы, в которые я не могу тебя отвести, и на всех этих королей, которым я не могу тебя представить! У меня есть немало денег и земель. Я могу дать тебе жизнь, достойную придворной дамы, и буду любить тебя как королеву. Неужели ты не видишь, что я люблю тебя?..»

Густая пыль, поднятая колёсами экипажа и копытами четырёх маститых лошадей, стала понемногу рассеиваться. И тогда Доротеа воскликнула:

– Карета остановилась!

Томас взгляделся: у самого выезда из города стояла восхитительной красоты карета, и даже покрытая густой пылью, она продолжала сиять ярким радужным светом лившимся из сотен алмазов, густо покрывавших её выпуклые бока. А вскоре из экипажа вышел человек в странной одежде, которую Томас когда-то видел в старых книгах. В такой одежде, если ему не изменяла память, ходили арабские вельможи. Ещё раз взглянув на человека из картеты, Томас понял, что уже видел его прежде, и что встреча их происходила не при самых благоприятных обстоятельствах.

– Это же он! – воскликнула Доротеа радостно. – Тот сеньор в лесу, помнишь?

– Да, помню, – сказал он нахмурившись. – Пойдём. Нам нужно ещё принести дров и приготовить ужин. Ты, наверное, очень проголодалась.

– Нет-нет, Томас, – замотала головой девушка. – Мы можем поесть позже. Этот человек машет нам! Должно быть, он узнал нас!

И Доротеа потянула своего спутника за подол рукава.

– Мне эта затея совсем не нравится, – признался Томас. – Давай сделаем вид, что не узнали его и просто уйдём.

– Я прошу тебя, не будь таким злым! Этот человек был с нами очень даже учтив. К тому же, мы только поприветствуем его и сразу уйдём. Ну, что в этом плохого?

Томас уже было собирался возразить, но Доротеа сделала шаг вперёд. И он сдался:

– Хорошо. Но только одно приветствие, затем мы уходим.

Когда молодые люди подошли к карете, человек в одежде вельможи широко улыбнулся.

– А вот и вы, мои старые знакомые! Мы снова встретились! – И он поднёс свою правую руку к груди, туда, где было сердце – и этот добрый жест пришёлся Доротеа по душе. – Меня зовут Латиф из Висалы. Позвольте доставить вас в своей карете туда, куда пожелаете!

Араб почтительно склонил голову.

«Какие странные у него манеры, – подумал Томас. – Явно богаче нас, а приветствует так, будто это мы богаче него».

– Мы очень признательны за приглашение, сеньор, – сказал Томас холодно, – но не можем принять его, по крайней мере, не сегодня.

Юноша заметил, как быстро сошла улыбка с лица его спутницы, когда она услышала эти слова.

«Она никогда не простит меня, – решил он. – Но когда-нибудь поймёт, что я отклонил приглашение ради её же блага».

– Я принимаю отказ со всей учтивостью, – сказал араб неизменно спокойным голосом. – Если когда-нибудь вы захотите посетить меня, вы легко найдёте дорогу, если спросите у горожан, где живёт Латиф из Висалы. А теперь, желаю вам сеньорита, и вам сеньор, всего хорошего!

Вельможа развернулся и быстро зашагал по направлению к карете. Молодой слуга, тоже араб по происхождению, распахнул перед своим хозяином двери экипажа и помог ему взобраться внутрь.

– Я никогда тебе этого не прощу! – сказала рассерженно Доротеа, когда карета удалилась.

– Я сделал это для тебя...

– Ты сделал это для себя, и только! Ты решил, что раз этот человек тебе не нравится, ты можешь и меня лишити всякого удовольствия покататься.

– Это не так.

– Это так! – воскликнула она горестно.

– Я хотел защитить тебя, – пытался оправдаться Томас, но Доротеа не слушала его.

– Нет! Ты хотел защитить себя, только себя! Боишься, что я оставлю тебя ради другого? Уеду от тебя в какой-нибудь позолоченной карете? Разве не этого ты боишься?

И Доротеа испытывающе посмотрела на него. Томас молчал, уголки его губ на мгновение дрогнули; в глазах читалась растерянность, а потом в них появилась такая грусть, которую Доротеа никогда раньше не видела. И вот теперь, её лучший друг смотрел на неё глазами, полными невысказанной боли, и тогда Доротеа сделалось страшно, а лёгкий холодок ужаса пробежал у неё по спине. И хотя девушка всё ещё была обижена, она сказала примиряюще:

– Прости меня, я говорю ужасные вещи. Прошу тебя, не грусти. Да и не нужна мне никакая карета. Только не смотри на меня больше такими печальными глазами, ладно?

Она подошла к Томасу и обвила его шею тонкими ручками. Томас тотчас придвинул девушку к себе, придерживая её за талию.

– И ты меня прости, милая. К тому же, у тебя уже есть карета: она ждёт тебя во Вальядолиде, забыла? Ты только с ней ещё не знакома, но скоро я вас друг другу представлю.

– Ты собираешься представить меня своей карете? – засмеялась она.

– Конечно! Кто знает, может быть, ты и моя карета станете лучшими друзьями, начнёте вместе готовить, гулять по саду, бить меня по утрам сковородками...

– Тогда твои родители точно примут меня за сумасшедшую, Томас.

– Ну и что, – пожал он плечами. – Они и меня держат за сумасшедшего. Так что мы с тобой можем вместе сходить с ума, не боясь за репутацию.

– Я согласна. – Доротеа звонко чмокнула Томаса в щёку. – Только сначала давай поужинаем.

И молодые люди, крепко обнявшись, направились домой.

6. Башня Калаорра

«Караульные сменяются один раз в день, на закате. Сегодня в городе ярмарка и пришло много торговцев. Стража, охраняющая вход в фортовую башню, то и дело будет пить вино и не очень посматривать на ворота – ведь во время ярмарок их комендант несёт службу на стенах Алькасара. Сегодня подходящий день, чтобы проникнуть внутрь башни и посмотреть на Сияющий город.

– Боишься? – спрашиваю Доротею.

– Нет, – качает она головой. – С тобой мне ничего не страшно.

Задолго до заката мы направляемся на левый берег реки Гвадалкивира. Когда выходим к Римскому мосту, Доротея говорит:

– Ты знаешь, я никогда раньше не была так счастлива, как бываю рядом с тобой.

Я молча беру её за руку.

– Если бы моя мама была жива, ты бы ей понравился.

– Я уверен, что твоя мама смотрит на нас сверху и думает: «Дочь, ты должна выйти за Томаса замуж, потому что я вижу, как сильно он тебя любит».

– Откуда ты знаешь, что она именно это думает? – Она сладко смеётся.

– Мне так кажется.

Доротея заливается звонким смехом, и я не могу сдержать улыбки. Я улыбаюсь, но в душе расстроен. На самом деле, я жду ответа на вопрос, повисший в воздухе минуту назад. Мне хочется спросить, расслышала ли она то, что я сказал? Поняла ли, что сделал ей предложение? А может, расценила мои слова как шутку? Мне хочется остановиться прямо здесь, посреди моста, заглянуть ей в глаза и спросить: «Любишь ли ты меня также, как я люблю тебя?» Я бы не позволил ей уйти от ответа и стоял бы до тех пор, пока бы она не сказала. Но вместо этого, я крепко сжимаю её ладонь и молча иду дальше. Мне становится страшно от того, какой ответ я могу услышать. И мгновение спустя уже думаю, что так, должно быть, к лучшему, и что у меня всё ещё есть надежда.

Мы останавливаемся в трёх метрах от главного входа в башню и внимательно смотрим на стражников. Те стоят у массивной дубовой двери и, оперевшись рукой на копьё, о чём-то друг с другом спорят. Мы стоим некоторое время, считаем количество людей на воротах и тут же уходим, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Затем обходим башню по часовой, делая вид, что просто гуляем.

– Двое у главных ворот и двое с тыла, – говорю я, и Доротея соглашается.

– Столько же, должно быть, находится и наверху, если ничего не изменилось.

– Ничего не изменилось, – заверяю, хотя в этом совсем не уверен. – Восемь стражников. Люди с тыла нас мало интересуют: если проникнем внутрь с парадного входа, остальные подумают, что у нас есть официальное разрешение.

Доротея кивает. Мы отходим от форта и сворачиваем на одну из торговых улиц, битком забитую торговцами и покупателями. Я набрасываю капюшон плаща на голову, чтобы скрыть лицо под его тенью. Теперь нам остаётся только ждать, когда солнце приблизится к горизонту. Времени ещё много, поэтому мы просто гуляем, без особого любопытства рассматриваем прилавки. Торговцы с востока продают яркого цвета ткани и Доротея на мгновение останавливается, чтобы взглянуть на них.

– Хочешь чего-нибудь? – спрашиваю.

– Нет, – качает она головой, – у меня и так целых три платья, которые ты мне купил.

– Но вы, женщины, любите платья. Давай купим тебе ещё одно?

– Нет, – повторяет она. – Мне всё равно некуда в них ходить.

Я думаю над тем, что она сказала. Значит ли это, что ей со мной скучно, и что мы никуда не ходим? Мне хочется спросить: скучает ли она? Но я не решаюсь, и только молчу. В последнее время я слишком много от неё требую. Раньше мне было достаточно того, что мы просто гуляем в лесу, или вместе ужинаем, а теперь я не могу сомкнуть глаз, когда её нет рядом. Мне хочется, чтобы она сказала, что любит меня, но она молчит. Скорее, дело не в ней, а во мне – ведь нам и раньше было хорошо вместе, без этих романтических сладких слов, которые я у неё требую. Иногда мне кажется, что так дальше продолжаться не может, а иногда, что мы с Доротеей вполне могли бы остаться друзьями, лишь бы только она никогда от меня не уходила.

Наблюдаю за тем, как солнце приближается к земле. Когда огненный шар касается горизонта, говорю:

– Пора, моя дорогая.

Доротея кивает и мы неспеша идём к башне. Я разглядываю стражников из-под тени капюшона: два молодых гвардейца со знаками отличия кастильских королей на щитах, сидят у главного входа, облокотившись спинами на стену форта. Похоже, полуденный жар и крепкое вино, которого они выпили сегодня немало, сделали своё дело. Стражники совсем не интересуются происходящим вокруг: ни оживлённым движением, ни грохотом, который производят торговые повозки, едущие в сторону рынка. Уставившись в пол, они из последних сил борются с подступающей к глазам усталостью. Я показываю Доротею в сторону солнца, и она понимает, что я предлагаю подождать, пока стражники окончательно не уснут, а сделают они это несомненно скоро. Доротея соглашается, и мы прогуливаемся взад-вперёд неподалёку, а я пытаюсь понять, взволнована ли она. Пристально смотрю на неё, но она выглядит совершенно спокойной. Это предприятие может закончиться для нас не так уж и весело: если нас поймают, то несомненно бросят в темницу. Я не боюсь за себя, но на меня вдруг находит ужас от мысли, что моя любимая может оказаться в опасности.

– Ты знаешь, мы не должны...

Она меня тут же перебивает:

– Знаю. Не волнуйся. Ведь мы этого так долго ждали. Думаешь, что меня можно напугать темницей? Я и так провела всю жизнь в подземелье, в своём ужасном и тёмном доме. А может, мой дом окажется даже хуже любой городской темницы.

Она замолкает и погружается в свои мысли. Я больше ни о чём не спрашиваю, а просто жду назначенного часа. Наконец, вечерняя тень обступает округу и я подаю знак, что нам пора начинать. Быстрыми шагами мы направляемся к фортовым воротам. Я бросаю беглый взгляд на стражников и с облегчением вижу: оба сидят с повисшими головами, сморенные глубоким сном. Мы прибавляем шаг и подходим к главным воротам. Я толкаю тяжёлую дверь и она предательски громко скрипит. Я тут же смотрю на стражников, но они продолжают спать как ни в чём не бывало, а их головы устало покачиваются в такт собственному дыханию. Смотрю на Доротею: теперь она выглядит взволнованной; касаюсь её плеча и показываю на дверь, давая понять, что путь свободен. Она идёт вперёд, а я иду за ней, чтобы защитить её, если это вдруг понадобится. Закрываю старую дверь и снова раздаётся предательский долгий скрип. Какое-то время мы прислушиваемся к шуму улиц, чтобы убедиться, что стражники не проснулись, но похоже всё обошлось: можно идти дальше. Теперь нам нужно найти путь вверх и полагаться придётся только на собственную интуицию, потому что раньше мы здесь никогда не были, и никто из нас не имеет ни малейшего представления о том, как выглядит фортовая башня внутри. Тусклый огонь горящих факелов освещает каменные стены и мы оглядываемся по сторонам в поисках какой-нибудь лестницы, которая могла бы вывести нас на крышу. Лестница тут же находится, и я искренне радуюсь тому, что в башне оказался только один путь вверх. Мы поднимаемся по огромным каменным ступеням, идём так долгое время, прислушиваясь к звукам вокруг. Вдруг раздаются мужские голоса, совсем неподалёку, чуть выше по лестнице. Должно быть, это караульные, которые несут службу внутри форта. Они

не представляют для нас опасности, потому что болтливый трактирщик из таверны «Сан Хосе» сказал, что внутри форта никто и никогда не спрашивает бумаг для посетителей, и что их спрашивают только на входе. Но мне всё равно становится страшно за Доротею, и я кладу руку ей на плечо.

– Я пойду первым, – говорю шёпотом.

Она кивает и пропускает меня вперёд.

Натягиваю капюшон поглубже, чтобы лучше скрыть лицо. Голоса приближаются, и судя по всему, разговаривают двое. Наконец, я вижу, что моё предположение оказалось верным: два стражника с такими же знаками отличия, принадлежащие кастильским королям, спускаются по ступенькам и о чём-то оживлённо беседуют. Когда мы равняемся с ними, поданные кастильских королей окидывают нас долгим взглядом и тут же замолкают. Сердце в груди бешено колотится, но я сохраняю спокойствие и продолжаю идти вперёд уверенно. Стражники проходят мимо, чуть было не задевая нас своими длинными бархатными плащами. Хорошо, что ступеньки здесь широкие и четыре человека с лёгкостью могут на них разойтись. Через пару секунд я слышу, что стражники продолжают болтовню, и облегчённо вздыхаю. Трактирщик сказал правду, и мы проходим наверх не предъявляя никаких бумаг с разрешениями.

– Думаю, осталось немного. Ты в порядке, Доротея?

– Да, я в порядке, не о чем беспокоиться.

Я слышу, как напряжён её голос, и знаю, что она сильно напугана. Но она всё равно никогда мне в этом не признается, и мы молча идём дальше. Проходим ещё несколько метров и снова слышим голоса. Теперь они доходят до нас снизу, и я изо всех сил прислушиваюсь, чтобы понять, принадлежат ли эти гласа тем двоим, которых мы только что видели. Но чем выше мы поднимаемся, тем громче слышен рёв ветра за стенами башни, а потому, понять это невозможно. Я ускоряю шаг и слышу, что Доротея тоже его ускорила, шерша по полу подошвами своих старых ботинок. Потом всё смолкает, голоса пропадают, и я радуюсь, что стражники не пошли наверх за нами. Ветер гудит всё громче и громче, и вот я уже ничего не слышу, кроме этого пронзительного гула. Должно быть, мы почти пришли и скоро должна показаться заветная дверь на крышу. Я чувствую, что Доротея дёргает меня за подол плаща и сбавляю шаг.

– Устала? – спрашиваю заботливо.

Но не знаю, что она говорит из-за громкого гула ветра. Тогда я останавливаюсь и оборачиваюсь, чтобы спросить её снова. Какое-то время я стою и растерянно смотрю на грузную фигуру стражника с вынутым из ножен мечом, что стоит прямо передо мной. И прежде, чем я успеваю дотянуться до рукоятки своего оружия, чьи-то сильные руки хватают меня, тут же подбираясь к горлу; я начинаю задыхаться. Размахивая руками, пытаюсь ударить нападающего и верчу головой по сторонам, насколько мне это в таком положении удаётся, чтобы посмотреть, что с Доротеей. Но нигде не вижу её, а через несколько секунд падаю на ступеньки, оглушённый ударом, который валит меня с ног. Я пытаюсь крикнуть, чтобы Доротея бежала прочь, если она меня сейчас слышит, но слова не идут, и я тут же погружаюсь во мрак, теряя сознание.

Открываю глаза и вспоминаю последние события, что произошли накануне. Вокруг темно и я с трудом различаю предметы комнаты. Ещё до того, как я осмотрелся, то понял, что нахожусь в темнице. Думаю о Доротее – где она? – и страх за неё сковывает мне горло.

– Доротея! – кричу, в надежде услышать её голос, вглядываюсь в сумерки.

К своему разочарованию понимаю, что нахожусь здесь один. Помещение, куда меня бросили, с трёх сторон огрожено кладкой из тяжёлых массивных камней, а с четвёртой стороны замкнуто громоздкой железной решёткой.

– Стража! – зову, что есть сил. – Стража! Где девушка, что была со мной?

Но из коридора, тускло освещённого единственным факелом, не следует ответа. Тогда зову ещё раз:

– Стража! У меня есть деньги. Я заплачу любую сумму. Скажите только, с девушкой всё в порядке?

И на этот раз никто мне не отвечает. Я прислушиваюсь, но не слышу ни единого шороха: похоже, я один не только в этой камере, но и во всём подземелье».

7. Комендант

«Сколько времени прошло с тех пор, как я оказался здесь: пару часов, неделя, месяц? Мысли о Доротее сводят меня с ума. Вчера я немного поговорил со стражником, который приносит по вечерам еду, если эту похлёбку с гнилым затхлым запахом вообще можно назвать едой.

Я снял с себя плащ, в котором всё это время ходил, и протянул его стражнику, когда тот подошёл к камере, чтобы налить очередную порцию.

– Возьми мой плащ, – сказал я ему. – Я купил его на мосту Риальто. Его скроили лучшие венецианские мастера, и он дорого стоит.

Стражник бегло взглянул на плащ и поставив тарелку с супом на землю, спросил:

– Чего ты хочешь?

– Чтобы ты сказал мне, где девушка, что была со мной.

– Я ничего о ней не знаю.

– Ты можешь узнать?

Стражник ещё раз взглянул на плащ, который я протягивал сквозь железные прутья.

– Ночи холодные. Без плаща ты замёрзнешь, – сказал он подумав.

Я разочарованно выдохнул, ошибочно полагая, что он быстро согласится на мою сделку.

– Я не прошу тебя освободить меня, только сказать, где девушка. Продав этот плащ, ты выручишь хорошую сумму. Ты можешь расспросить о ней в городе, её зовут Доротеа. У неё светлые длинные волосы и голубые глаза, и она живёт на южном берегу реки Гвадалквивир. Если ты сможешь мне, я дам тебе не только этот плащ, но и отблагодарю двенадцатью золотыми монетами, когда выйду. На эти деньги ты сможешь купить себе уютный дом и счастливо жить там с женой и детьми. У тебя ведь есть дети?

Поколебавшись с минуту, стражник сказал:

– У меня их пятеро. Но откуда мне знать, что у тебя есть двенадцать золотых?

– Разве я похож на бедняка? – спросил я его. – На мне дорогая одежда и я даю тебе своё честное слово, что ты получишь деньги, как только я выберусь отсюда.

– А если тебя завтра повесят? – недоверчиво спросил он.

– Тогда ты оставишь мой плащ себе и заберёшь всю одежду, которая на мне. Эти вещи дорого стоят.

– Я в любом случае заберу твой плащ и одежду, которая на тебе, – без колебаний ответил он. – И тебя в любом случае повесят. К тому же, мне запрещено с тобой разговаривать.

И подтолкнув ногой тарелку с супом под железные прутья, он спешно зашагал прочь.

На следующий день я снова просил его помочь мне, но после того дня, он больше никогда со мной не заговаривал, лишь молча толкал носком грязного сапога тарелку с однообразным и мерзким ужином, и спешно уходил. Со временем, мои учтивые просьбы превратились в яростные угрозы, и как только стражник приближался, я кричал, что расправлюсь с ним сразу же, как только у меня появится такая возможность. Но он был равнодушен и глух ко всему, что я говорил, и невозмутимо продолжал наливать в тарелку мой скудный ужин. Я был в отчаянии, был повержен. Как нелепо сейчас выглядела эта затея – проникнуть на хорошо охраняемый форт, чтобы только взглянуть на какой-то там город! Рисковать своей жизнью ради этого было глупо, но ещё глупее было рисковать жизнью Доротее. Ненавидит ли она меня, сидя в своей тёмной камере? Или ей удалось бежать и она не хочет иметь со мной дела? Если бы только Доротеа была на свободе, как бы это облегчило мои страдания! Но я ничего о ней не знал, и неизвестность пожирала меня изнутри, словно смертельная болезнь, день ото дня делая меня слабее. Я уже почти было потерял надежду, что кто-нибудь когда-нибудь обо мне вспомнит, когда в один из дней появился стражник, и доложил:

– Сейчас тебя отведут к коменданту.

Я был безмерно рад тому, что обо мне, наконец, вспомнили. Хотя это могло также означать, что меня собираются вскоре повесить, и ведут к коменданту только для того, чтобы уладить кое-какие бумажные формальности. Но, возможно, мне удастся разузнать про Доротею. К тому же, виселица не казалась мне сейчас таким уж плохим исходом жизни: куда страшнее было день за днём продолжать просыпаться в этой холодной, пахнувшей плесенью и крысами камере.

Через какое-то время в камеру вошли четверо подданных его величества, и надев мне на руки железные кандалы, повели меня вдоль по узкому коридору. Когда мы поднялись по старой каменной лестнице, я понял, что это здание совсем не похоже на форт Калаорра. Должно быть, меня содержали в одной из городских тюрем.

– Что это за место? – спросил я стражников, но никто из них мне не ответил: должно быть, им были даны указания не разговаривать с заключёнными. Когда передо мной открылась дверь одной из комнат, которых здесь было бесчисленное множество, я увидел хорошо обставленный кабинет с мебелью из дорогого тёмного дерева, и огромных размеров стол, за которым сидел низкорослый полный мужчина, с округлым лицом и ниспадающим на лоб пепельным париком. Мужчина что-то писал, не заметив, что в комнату вошли, и лишь когда я ненароком задел ногой стоявшую у самых дверей фарфоровую вазу и та зашаталась, громко ударяясь основанием о каменный пол, мужчина в парике вскинул одну бровь и внимательно посмотрел на меня. Некоторое время он наблюдал за тем, как раскачивается из стороны в сторону огромная фарфоровая ваза, и когда она, наконец, остановилась и приняла своё обычное вертикальное положение, он удовлетворённо выдохнул, и знаком показал стражникам удалиться, оставив меня стоять в проходе.

– Три серебрянника, – сказал мужчина в парике хриплым низким голосом, и продолжил дальше что-то записывать.

– Что? – спросил я, не уверенный в том, что фраза обращена ко мне.

– Эта ваза стоит целых три серебрянника, а вы чуть не разбили её, болван, – сказал человек в парике.

– Вы – комендант? – спросил я, не обратив внимания на оскорбление.

– Кто же ещё, – хмыкнул он, не поднимая на меня глаз.

Какое-то время я молчал, думая над тем, как бы осторожнее расспросить его про Доротею. И не придумав ничего лучше, прямо сказал:

– Девушка, которая была со мной, где она?

Комендант вдруг оторвался от своей писанины и посмотрел на меня с немалым удивлением. Его маленькие глубоко посаженные глазки хитро забегали. Какое-то время он молчал, внимательно разглядывая меня, а потом произнёс:

– Её скоро повесят. Также, как и вас, юноша.

Моё сердце бешено забилося. Я наконец понял, что неизвестность это не самое худшее – у неизвестности есть надежда. Самое худшее – это уже вынесенный смертный приговор, не подлежащий обжалованию.

– Но мы ничего плохого не сделали, – попытался я завязать разговор. – Только хотели посмотреть на Сияющий город с крыши форта.

– Чушь, – категорично заявил комендант. – Вы проникли на форт, чтобы поднять восстание против короля.

– Что?! – я не поверил собственным ушам.

– Вот, – комендант придвинул к краю стола бумаги, на которых ещё недавно что-то записывал. – Будьте так любезны и подпишите, что вы признаёте и искренне раскаиваетесь в саботаже.

– Но я ни в чём не признаюсь и не раскаиваюсь! – воскликнул я с горечью.

– Тем хуже для вас, – равнодушно пожал комендант плечами. – Тогда вас четвертуют. Вы хотите, чтобы вас четвертовали или повесили?

– Я бы предпочёл ни то ни другое. У вас есть ещё варианты?

Теперь комендант рассматривал меня с любопытством. Кажется, мой ответ пришёлся ему по душе.

– К сожалению, юноша, у блюстителей закона его величества не так много полномочий. Вам придётся выбирать между этими двумя. Но вы мне очень симпатичны, а потому, я советую вам повешение: оно не так болезненно, как четвертование.

– А вы вешаете всех, кто вам симпатичен?

На этот раз мой вопрос коменданту не понравился, и презрительно фыркнув, он добавил:

– Вы – болван.

Похоже, что «болван» было любимым словом блюстителя королевского закона.

– Если вы отпустите девушку, я хорошо заплачу, – предпринял я попытку спасения.

– Как же вы заплатите, если у вас нет денег?

– У меня есть деньги.

– У вас их нет, – со знанием дела заявил комендант. – Мы вас обыскали, когда вы были без сознания, и никаких денег не нашли.

– Деньги есть у меня дома.

– Ну и где ваш дом, юноша?

– Вы действительно думаете, что я скажу вам, где я храню свои деньги, чтобы вы заявились туда и их забрали, а потом повесили бы меня? – Я рассмеялся.

– Нет, я так не думаю, – сказал комендант. – Вы не скажете где деньги, потому что у вас их нет.

Этот человек стал действовать мне на нервы. Но у меня не было другого выхода, как продолжать торговаться с ним, – надо было хотя бы попытаться спасти Доротею.

– Послушайте, вы же понимаете, что мы никакие не преступники. Посмотрите на меня и на Доротею, разве мы могли бы учинить восстание? Мы только хотели посмотреть на Сияющий город, потому что легенда гласит...

– Легенда гласит, – подхватил комендант, – что тот, кто посмотрит на Сияющий город, будет преисполнен божественной любовью.

– Ну вот видите! – обрадовался я тому, что эта легенда ему известна. – Вы ведь понимаете, что Сияющий город можно увидеть только с форта!

– Эту легенду придумали шпионы, чтобы проникнуть на форт его величества, – отрезал комендант.

– Эту легенду рассказывают детям! – возразил я.

– Вот из таких детей потом и вырастают шпионы. Так вы будете подписывать бумаги?

Я внимательно посмотрел в глаза человека, так легко выносившего смертные приговоры. Никогда бы не подумал, что моя смерть придёт ко мне в образе толстого коменданта, с неуклюжим пепельным париком на голове. И тогда я сказал, зная, что у меня больше нет надежды с ним договориться:

– Да катитесь вы к чёрту, сеньор!

После этих слов, брошенных мной в порыве злости, комендант громко позвал стражу и попросил увести меня обратно в камеру. Я быстро пожалел о том, что в разговоре с ним был несдержан и упустил шанс на спасение Доротеи. Как только я снова оказался в камере, меня охватило отчаянье. Я вдруг в полной мере осознал, что никогда больше не увижу свою любимую, и что мы никогда не будем гулять с ней по городскому рынку, и я не услышу её тихого нежного голоса, не загляну в её прекрасные небесного цвета глаза. Тёплые слёзы стали медленно скатываться по щекам, и я спросил:

– За что ты наказываешь меня, Господи?!

Я молчал, словно ожидая ответа от кого бы то ни было. Должно быть, действительно надеялся услышать ответ, или хотя бы, распознать знак, который Господь мог бы послать мне. Но ничего не произошло, не последовало и того, что можно было расценить как божественное знамение. И тогда я понял, что мне больше не хочется верить в Бога. Я больше не хотел верить в того, кто так легко вытряхивает души из человеческих тел, кто запросто создаёт мир, в котором умирают не по справедливости, а по какой-то нелепой случайности. С этого момента мне стало больше нечего ждать и не на кого надеяться. И ещё до того, как мой смертный приговор был приведён в исполнение, я превратился в мертвеца».

8. Ужин на постоялом дворе

– А-а! На горизонте виднеется постоялый двор! – радостно воскликнул Эрнесто и подогнал лошадь. Он обернулся к своему спутнику, который ехал следом, и сказал: – Мчись к хозяину этой убогой ночлежки и скажи ему, что сам капитан Эрнесто изволит у него ужинать: пусть зажарит молочного поросёнка и откроет бутылку выдержанного вина. А если к тому времени, как я спешусь со своей лошади, ужин ещё не будет готов, я вздёрну этого прохвоста на рее своего корабля!

И Эрнесто рассмеялся басом, похожим на раскат грома жарким летом.

– Я с удовольствием передам хозяину твоё пожелание, – отвечал его спутник, которым был Алонсо. – Вот только как же ты собираешься его вздёрнуть, если у тебя нет ни реи, ни корабля?

– Ты прав, друг мой, – сказал Эрнесто, – у меня ничего этого нет. Но если будет нужно вздёрнуть какого-нибудь прохвоста, я немедля раздобуду себе корабль!

И потянув лошадь за уздцы, Эрнесто во весь опор помчался по направлению к дому на горизонте.

Алонсо же, не обратив внимания на указание поторапливаться, продолжил свой путь неспеша. Эрнесто прибыл на постоялый двор первым и осмотревшись, увидел две двери. На одной из них красовалась надпись «таверна», на другой «свободные комнаты». Он не раздумывая пошёл к той, что называлась «таверной». И когда вошёл в переднюю, она оказалась безлюдной и тихой.

– Что за странное местечко! – сказал капитан громко. – Здесь что, недавно было так весело, что всех перебили и не осталось никого в живых?

В этот момент из двери, бывшей в противоположной части комнаты, высунулась маленькая лысая голова.

– Что хотите сеньор? – спросила голова с мягким акцентом.

– Еды и вина, что же ещё! – удивился Эрнесто.

Заслышав это, голова скрылась в темноте комнаты, а за ней тут же закрылась дверь.

– Вот это гостепреимство! – присвистнул капитан.

Осмотрев огромную залу, заставленную старыми пыльными столами и стульями, он сел за стол, который находился ближе к окну. В этот момент из той же двери, что в конце комнаты, опять появилась лысая голова.

– Желать сеньор фасолевый суп?

– Я что, похож на того, кто ест фасолевый суп? – возмутился капитан. – Неси самого лучшего жирного поросёнка, да поторапливайся! Мы будем ужинать вдвоём.

Голова завертелась по сторонам и замигав большими глазами, удивлённо спросила:

– Как вдвоём? Разве сеньор не один?

– А ты не слишком ли любопытен, прохвост? Я ужасно устал и голоден, а мой поросёнок всё ещё не зажарен. Не хочешь ли ты, чтобы я в гневе отрубил тебе голову своим тяжёлым мечом?!

– Non-non! Pardon,³ – сказала голова и снова скрылась за дверью.

– Ах, чёрт побери! Это я удачно зашёл, – сказал себе капитан. – Раз хозяин этой пропащей забегаловки француз, то у него наверняка найдутся пару бутылок хорошего французского вина. Алонсо любит хорошие вина. Кстати, где же он?

Как только Эрнесто задал вопрос, дверь распахнулась и на пороге появился Алонсо.

³ Нет-нет! Извините (фр.)

– А-а, – протянул капитан довольно. – Ты прямо как дьявол: стоит о тебе вспомнить, и вот он ты! Садись, друг мой, рядом со мной. Я уже заказал для нас ужин. Жером сейчас принесёт нам вина.

– Меня зовут Готье, сеньор, – сказала голова, снова появившаяся в дверном проёме.

– Какая мне разница, как тебя зовут, – сказал Эрнесто. – У меня на корабле служил один француз, так вот, его звали Жером.

– Но я не служить сеньору на корабле и меня зовут Готье.

– Послушай, когда я отрублю тебе голову, будет уже всё равно, как она называлась. Почему наш ужин до сих пор не готов, мерзавец?! – Эрнесто терял терпение.

– Tu me donne des pausees,⁴ – сказал француз и снова скрылся за дверью.

– Что сказал этот прохвост? – спросил капитан.

– Оставь его, – примиряюще ответил Алонсо. – Если ты сейчас затеешь драку с этим человеком, тогда мы точно останемся без ужина.

– Ты как всегда прав, мой друг. Ну что ж, сначала мы поедим, а потом я затею драку.

Через некоторое время явился обладатель известной нам головы: мужчина лет сорока, хрупкого телосложения и с бледной кожей. Он поставил перед сеньорами румяного поросёнка, зажаренного с боков и разделанного на две равные части.

– Хорошо, Жером, хорошо! – Когда Эрнесто завидел ужин, настроение его заметно улучшилось. – Возможно, я даже не стану тебя бить, если ты принесёшь нам хорошего французского вина. Только выдержанного. Мой друг Алонсо на запах определяет выдержку любого вина, так что не смей нас обманывать, негодяй.

– Француз никогда не обманывать своих постояльцев, – обиделся повар.

– Хорошо, – согласился Эрнесто, более интересовавшийся сейчас своим поросёнком, чем разговором о чём бы то ни было, – пошевеливайся! Мы не в Париже, где можно с лицом блаженного меланхолика улынивать от работы.

– Француз, будь он дворянин или слуга, никогда не позволять оскорблять другого человека без веской на то причины, – сказал Готье, и с невозмутимым видом направился в сторону кухни.

– Чёрт меня дерит! – Эрнесто расхохотался. – Ты видел когда-нибудь, чтобы слуги так дерзко говаривали с сеньорами?

– А мне он понравился. В отличие от всех остальных, этот храбрец сумел дать тебе отпор, капитан.

В этот момент из-за кухонной двери снова появился Готье, называвшийся порой Жеромом, и неся бутылку откупоренного вина, он приблизился к столу с сеньорами. Француз наполнил бокал Алонсо до самых краёв, а вот для Эрнесто плеснул лишь пару жалких капель, которые медленно сползали по стеклянным стенкам и собирались лужей на дне бокала. Затем, он с самым простодушным видом, направился в сторону кухни, прихватив с собой и бутылку вина.

Эрнесто даже замахал руками от возмущения.

– Вот негодяй! Не издеваешься ли ты надо мной?! Ну подожди, как только я закончу со своим ужином, я тебя проучу, мерзавец!

– Да будет тебе, – Алонсо залился смехом. – Теперь этот Готье не просто мне нравится, он завоевал моё сердце! Честное слово, я уже люблю Францию! Жаль, что я там никогда не был, надо будет как-нибудь туда отправиться.

– Несомненно, сеньор, – раздался голос из кухни. – Франция будет рада принять у себя такого благородного сеньора, как вы!

Заслышав это, Эрнесто презрительно фыркнул:

– А меня ты, значит, не приглашаешь, негодяй?!

⁴ Меня от тебя тошнит (фр.)

– Приезжайте и вы, сеньор, – сообщил голос. – Но не забудьте захватить с собой шпагу – вам часто придётся ею пользоваться в моей стране.

– Ты слышал? Этот негодяй мне угрожает! Подумать только, что будет с миром, если каждый прохвост возомнит себя благородным сеньором?!

Эрнесто негодовал; Алонсо безостановочно смеялся. Когда он немного успокоился, то сказал:

– Давай лучше поговорим о казни, которая назначена на завтра.

– Давай! – согласился Эрнесто радостно, потому как тема казней была одной из его излюбленных тем. – В Кордове снова вешают невинного?

– Не одного, а даже двух.

– И в чём же их обвиняют?

– В проникновении на форт и попытке поднять восстание против кастильского короля.

– Ого! Вот это поворот! И насколько опасны эти двое?

– Говорят, что обоим только недавно исполнилось восемнадцать.

– Боже правый, совсем юны!

– Да уж, юны. Но это ещё не всё: более того, это юноша и девушка.

– Девушка! – всплеснул руками Эрнесто. – Как же так! Уж девушек в Кордове давненько не вешали. Как думаешь, они и вправду виновны?

– Ты ведь знаешь, что в Андалусии не хватает хлеба, а люди с каждым днём негодуют всё громче. Но виселица всегда отвлекает негодующих от причины их беспокойства и даже заставляет забыть о голоде. Чем меньше в городе хлеба, тем чаще устраиваются зрелища, – сказал Алонсо, бросая столовые приборы в тарелку. – Поросёнок хорош!

– Значит, я был прав: опять вешают невинных. Ну что ж: тут уж ничего не поделаешь. Пойдём и мы завтра посмотрим на это занимательное представление.

Затем два друга стали говорить о погоде, которая выдалась в этом году беспощадно жаркой и засушливой, а также о том, куда бы им завтра направиться поразвлечься сразу же после казни.

9. Спасение

После разговора с комендантом, Томаса отвели обратно в камеру, и с того самого дня он больше ни с кем не говорил и ни о чём не просил. В один из холодных вечеров, когда узник сидел на каменном полу своего временного приюта и кутался в плащ, к тюремной решётке подошёл стражник, и сказал:

– На рассвете тебя казнят.

Томас ничего не ответил и только внимательно посмотрел на говорившего.

– Послушай, ты ещё молод, и должно быть, это отвратительно – умирать в таком юном возрасте, но так уж сложилось! Повешение – позорная смерть, но всё же, это лучше костра. Я слышал, как несколько лет назад в Руане сожгли какую-то Жанну. Она была молода и красива, но к несчастью, страшная вероотступница. Те, кто присутствовал при её казни заверяют, что это было ужасное зрелище: когда развели костёр и огонь стал жечь этой Жанне ноги, она закричала: «Иисус! Иисус!», а люди вокруг заплакали – так было всем её жалко. А тебе повезло: тебя лишь повесят, и если верёвка хорошо затянется, то умрёшь ты быстро и безболезненно.

Сказав это, стражник глубоко вздохнул и быстрыми шагами направился к выходу.

Несмотря на то, что Томас, казалось, был сейчас равнодушен к происходящему, сообщение о собственной казни взволновало его. А также его взволновала история о Жанне, особенно два слова, сказанные о ней стражником: «страшная вероотступница».

«Страшная вероотступница! – повторял про себя узник, – вот кем была она. Но не был ли я верен, тебе, Господи, всё это время? И хотя однажды, когда меня только привели сюда, я усомнился в своей вере, то после раскаялся, и стал молиться тебе с ещё большей страстью и терпением. Разве заслужил я звание вероотступника, чтобы умереть таким образом? Разве заслужила смерти Доротея?»

Весь вечер Томас провёл в раздумьях про Бога и про то, как странно и внезапно может кончиться жизнь. А ночью, когда он забылся беспокойным сном, ему снилась незнакомка со светлыми и чистыми, как рассветное небо, глазами. Волосы её были коротко стрижены, а сама она была юна и красива. И когда Томас посмотрел по сторонам, то увидел, что стоит он на эшафоте и держит в руке горящий факел, а та девушка привязана к деревянному столбу тугими верёвками. Она смотрит Томасу прямо в глаза, и говорит: «Я призываю тебя на суд Божий!» И как только она говорит это, из рук Томаса выскальзывает горящий факел и падает на доски, а искры от огня разлетаются во все стороны. По полу тут же расползаются жаркие языки пламени и подбираются к ногам девушки, и как только огонь касается её босых ступней, она кричит так громко, что у Томаса перехватывает от страха дыхание, а затем он вздрагивает и просыпается.

– Какой ужасный сон, – говорит несчастный, вытирая краем плаща холодные капли пота, выступившие на лбу. – И не менее ужасная реальность!

Томас снова погружается в сон и беспокойно ворочается на холодном полу камеры. Когда он проснётся, то не будет помнить ничего из того, что пригрезилось ему ночью, кроме лица той девушки, стоявшей на эшафоте и говорившей: «Я призываю тебя на суд Божий!» Через несколько часов приговорённого на смерть разбудят четверо стражников и поведут его вдоль по тёмному коридору. И он молча последует к месту своей казни – на площадь Корредера – и лишь когда он увидит Доротею, уже стоящую на эшафоте с накинутой, но ещё не затянутой на шее петлёй, силы покинут его, и он в ужасе закричит:

– Доротея, любимая, я здесь! Ничего не бойся, я иду к тебе!

Заслышав это, люди, пришедшие посмотреть на казнь, станут говорить: «Вешайте их одновременно! Будьте милосердны! Вешайте одновременно!»

А какая-то сеньора скажет:

– Ах, как же это романтично – умереть будучи влюблённым!

И палач, уже готовый затянуть верёвку на шею Доротеи, вдруг ослабит её, давая возможность Томасу взойти на эшафот, чтобы провести две казни сразу. Но для того, чтобы затянуть две верёвки в одно время, необходимо доставить к виселице второго палача. И потому комендант караула, руководивший казнью, отдаст приказание одному из своих подчинённых как можно скорее ехать на Аллею Цветов и разыскать там дона Диего. Дон Диего, живший на улице с таким романтичным названием, считал себя поэтом, но помимо стихосложения его увлекали ещё и казни, а потому этот дон, время от времени, изъявлял желание собственноручно помогать городскому палачу и проверял наточенность топоров и тугость виселичных верёвок. Поэт дон Диего до того вошёл в роль помощника палача, что вскоре лично стал исполнять казни, и не моргнув глазом рубил головы, подвешивал и колесовал осуждённых. А потому, народ тут же прозвал его «палачом-поэтом». И пока Томасу надевали на шею верёвку, а Доротея, еле державшаяся на ногах, тихонько молилась, ожидая начала собственной казни, к восточной стороне площади подъехала карета. Из кареты вышел молодой паж одетый на восточный манер, и умело пробившись сквозь толпу зевак, он подошёл к коменданту и протянул ему какую-то бумагу, свёрнутую трубочкой и перетянутую красной шёлковой лентой. Комендант поморщился, словно зная, что послание будет не из приятных, и развернув бумагу принялся читать. Дочитав, комендант подозвал к себе городского палача и стал что-то ему говорить, сопровождая свою речь пламенными жестами. Было видно, что палачу разговор не нравился, и сплюнув наземь, он громко выругался и пошёл по направлению к осуждённым. В это время комендант вышел на середину площади, и обращаясь к присутствующим, сказал:

– Произошло страшное... – На этом королевский страж замялся. Затем набрал воздуха в лёгкие и продолжил как можно громче: – Страшное недоразумение! Эти двое – он вскинул руку, показывая на осуждённых, – невиновны!

По площади прошёлся удивлённый гул, а комендант скорбным голосом, с которым он всегда зачитывал как обвинительные, так и оправдательные приговоры, продолжил:

– Именем короля! Приказано немедленно снять все обвинения и даровать свободу Доротеи из Кордовы и Томасу из Торквемады!

После этих слов, начальник стражи приказал своим людям освободить заключённых, и с хмурым видом пошёл по направлению к своей лошади. Когда Томас оказался свободен, он подошёл к Доротеи и крепко её обнял. Доротея же была так поражена происходящим, что не могла говорить, и лишь уткнувшись носом в грудь Томаса, тихонько плакала. И тогда юноша стал гладить её по голове, говоря ласково:

– Всё закончилось, любимая. Пойдём, я отведу тебя домой.

Когда молодые люди спускались с эшафота под одобрительные возгласы зевак, девушка сказала:

– Я видела карету, что подъехала к площади перед казнью. Кажется, я догадываюсь, кого мы должны за это благодарить.

– Я тоже видел карету, – согласился её спутник, – но поговорим об этом завтра, а на сегодня хватит впечатлений.

10. Благодарность

«Булочник Джузеппе сказал, что по пятницам Латиф из Висалы обычно бывает в Меските, и мы с Доротеей сразу туда направились.

– Не могу дождаться увидеть его! – Доротеа светилась радостью. – Ведь только благодаря благородству этого сеньора мы всё ещё живы!

Я кивнул и крепко обнял её за талию. Я не знал, что скажу Латифу, когда увижу его. Что можно сказать человеку, вытащившему тебя из прожорливой пасти смерти? Неужели достаточно того «спасибо», которое я говорю кухарке после вкусного ужина?.. Я думал над этим всё время, пока мы шли к Меските. Несмотря на то, что Мескита, бывшая ранее мечетью и мусульманской меккой, уже давно была освящена в христианскую церковь, её продолжали посещать и те, кто возносил свои молитвы к Аллаху, и те, кто возносил их к Иисусу.

Мусульмане прибывали к святыне в пятницу, и не заходя внутрь, прикладывали ладони к наружным стенам здания, словно салютуя своему старому генералу, к которому до сих пор питали трепет и уважение. Все, у кого была более смуглая кожа, чем у самих кастильцев, и всех исповедовавших ислам или носивших восточные одежды, называли в Кордове маврами. Латиф из Висалы тоже был мавром, но я предпочитал называть его «арабским вельможей» – ведь именно так он выглядел, и именно это звание ему больше всего подходило. Я совсем не знал, кем был этот араб из Висалы, а ещё несколько дней назад даже питал к нему ненависть, за что сейчас искренне раскаивался.

– Мне жаль, что я плохо думал об этом человеке, – признался я Доротее.

– Томас, – ответила она ласково, – мы все ошибаемся. Не будь к себе слишком суров.

Я был благодарен ей за эти слова, и был благодарен судьбе за ещё один шанс всё исправить.

Когда мы подходили к площади, что была перед Мескитой, я увидел картину, надолго оставшуюся в моей памяти: люди в восточных одеждах с замысловатыми узорами, и с изогнутыми саблями с золотой рукоятью, что были у них на поясе, о чём-то бесечно разговаривали с людьми в обычной кастильской одежде, бывшей из мешковины и не имевшей каких бы то ни было украшений. Я был поражён тем контрастом, который никогда ранее не замечал: мавры, более двух сотен лет проигравшие битву за Андалусию и находящиеся сейчас в положении побеждённых, выглядели богаче и величественнее своих победителей – кастильцев. Тогда ко мне и пришла мысль о том, что мы на самом деле не победили мавров и слишком поспешно назвали эту войну выигранной.

Мусульмане, толпившиеся в это время на площади, дружелюбно приветствовали христиан, заходивших внутрь Мескиты; христиане же отвечали им тем же. Все эти люди жили на одной земле, но у каждого из них был свой собственный Бог.

– У нас у всех один Бог, – сказал голос за моей спиной, и по телу прошла дрожь: будто кто-то читал мои мысли совершенно явно, и я не мог от этого спрятаться. Я обернулся; передо мной стоял Латиф.

– Сеньор! – Я быстро подошёл к нему и учтиво поклонился. – Мы искали вас, чтобы поблагодарить за наше спасение. Я – ваш должник до конца своих дней, сеньор!

Я увидел, что Доротеа тоже подошла к Латифу, и не успел тот произнести и слова, она взяла его руку в свои, и упав на колени, воскликнула:

– Мой господин! Вы спасли самое дорогое, что у меня есть – моего Томаса. Благодарю вас от всего сердца!

По её румяным щекам покатались слёзы, – так она была ему признательна. Как же она была хороша и невинна в этот момент! Так прекрасна, что Латиф, казалось, готов был упасть с ней на колени рядом, но он лишь смущённо убрал руку в подол своего платья и произнёс:

– Сеньорита, это было моим долгом спасти вас. Я не мог бы спокойно спать, зная, что оставил хороших друзей в беде.

– Позвольте нам быть вашими верными друзьями, господин, – сказал я. – И знайте, что если мне придётся отдать свою жизнь за вас, я сделаю это без колебаний.

– И я сделаю то же самое! – воскликнула Доротеа.

– Надеюсь, вам не нужно будет умирать за кого бы то ни было, – сказал господин дружелюбно. – Но это очень любезно, что вы предлагаете мне свои жизни. Я не хочу пользоваться положением: друзья помогают друг другу не для того, чтобы позже быть скованными обязательствами, они помогают из чистых и бескорыстных побуждений. Хотя, у меня всё же есть одна просьба...

– Говорите, – отозвалась на это Доротеа.

– Перестаньте называть меня господином, – улыбнулся араб, – формальности разделяют людей. Вы можете называть меня просто Латифом.

– Ах! – воскликнула Доротеа в восхищении, – вы прекрасный и добрый человек!

В тот самый день мы стали называть арабского вельможу Латифом, а к вечеру, гуляя втроем по городской площади и слушая его рассказ о стране Висале, о которой я раньше никогда ничего не слышал, и которая, как он говорил, омывается водами Аравийского моря, я впервые подумал, что никогда раньше не встречал более интересного и доброго человека, чем наш новый друг, и что мне искренне хочется узнать о нём побольше. В тот день мы много смеялись и ели виноград с прилавков, обступивших площадь со всех сторон, до той поры, пока не стемнело, и пока кордовские улочки не утонули в свете уличных фонарей. Затем, Латиф горячо распрощался:

– Это первый день, когда я не чувствую себя в этом городе одиноким. Вчера я спас вас, а сегодня вы спасли меня.

И махнув на прощанье рукой, зашагал по направлению к Римскому мосту, за которым был его дом.

– Он так одинок, Томас, ты слышал это? У него совсем нет друзей!

– Теперь они у него есть, – ответил я, и эти слова были искренними.

– Давай пригласим его к нам на ужин?

Меня удивило такое предложение, но я лишь ответил:

– Это прекрасный человек, и мы обязательно пригласим его. А теперь пойдём домой, любимая, мы гуляем с самого утра, и ты, должно быть, очень устала».

11. Когда я потерял надежду

«После этой встречи, положившей начало дружбе между мной, Доротеей и Латифом, прошло много дней. Мы действительно сдружились и всё время проводили вместе. Латиф был самый старший из нас: мне и Доротее было по девятнадцать, а ему уже исполнилось «тридцать полных лун», как он сам любил говорить. Но беззаботность Латифа, его доброта и прекрасное чувство юмора, сделали своё дело: мы забывали о том, что он богаче, знатнее нас или старше. Латиф исполнил нашу с Доротеей мечту: он открыл перед нами двери башни Калаорра, он провёл нас на самый верх здания, чтобы мы смогли увидеть, наконец, Сияющий город. Это было очень любезно с его стороны, но какое-то неприятное чувство испытал я, поднимаясь по знакомым ступенькам башни: то ли от прошлых переживаний, случившихся здесь, то ли от чего-то другого, я вдруг остановился у самого выхода на крышу, и упавшим голосом произнёс:

– Идите вперёд, я догоню вас.

– Что с тобой, Томас? – спросила заботливо Доротеа. – Ты плохо себя чувствуешь?

– Нет, всё в порядке. Я передохну немного, а потом догоню вас.

– Хорошо, – кивнула Доротеа и потеряла голубые бусы на своей шее. – Мы будем ждать тебя наверху.

Я кивнул, и когда Доротеа и Латиф удалились, я сел на каменные ступени, и подперев голову руками, погрузился в тяжёлые мысли. Я слышал, как стражники, бывшие на крыше Калаорра отсалютовали приветствие Латифу. Было видно, что Латифа знали все в округе, а двери любых дворцов и знатных домов без лишних вопросов распахивались перед ним. Но я точно не знал, кем был этот вельможа с берегов Аравийского моря?.. Или, может, я не хотел этого знать. Я считал Латифа своим другом и был предан ему, но иногда сомневался в том, что мог бы оставаться ему другом и дальше. С каждым новым днём я видел, как Доротеа отдаляется от меня. Ещё долгое время я не хотел замечать этого, пока однажды не увидел, как она смотрит на Латифа, а он – на неё. И когда мы остались с Доротеей наедине, я сказал ей:

– Боюсь, что ты оставишь меня ради него.

Она сразу же всё поняла, подошла, положила свои худенькие ручки мне на плечи и нежно сказала:

– Я никогда не оставлю тебя, Томас. Я люблю тебя также сильно, как и Латифа, вы оба для меня очень много значите.

Этими словами она хотела успокоить меня, но вместо этого мне сделалось ещё хуже. Как та, на которой я хотел жениться, могла любить нас одинаково, «также сильно»? Разве она имела на это право? Я любил Доротею больше жизни, а она любила меня также, как и его. Но в тот день я ничего не сказал ей, лишь крепко обнял; подумал, что хуже смерти было бы потерять мою невесту. Латиф же был одинаково любезен и со мной, и с Доротеей, и за непроницаемым спокойствием, с которым он всегда говорил, было трудно понять: питает ли он какие-то чувства к ней? Я часто наблюдал за Латифом, за тем, как он смотрит на неё и как изысканно целует ей руку при встрече, но дальше поцелуя руки дело не заходило, и никогда я не видел, чтобы он касался или слишком приближался к ней. Он всегда держал дистанцию, но это не означало, что он не мог быть влюблён. После этих мыслей я понял, что больше не выдержу, и решил, что сегодня же вечером сделаю Доротее предложение. И если она откажется, мне придётся жить с этим, но, может случиться, она согласится, и тогда я стану самым счастливым человеком на свете! Я не мог больше теряться в догадках и окрылённый этой идеей, встал, вернее вскочил с места, и как сумасшедший побежал наверх, где Доротеа с Латифом должны были меня ждать. Выйдя на крышу я увидел, что Латиф и Доротеа смотрят вниз, прямо на Сияющий город, вид на который открывался перед ними. Они не заметили меня, зато я прекрасно всё видел, и даже слышал, о чём они говорили.

– Я люблю тебя с первой минуты нашей встречи, Доротеа, – сказал Латиф.

Услышав это я замер, а сердце в груди заколотилось. Я вникал в каждый шорох, доносившийся с улицы, и в каждый порыв ветра; даже слышал, как глубоко она задышала, а затем, взяв Латифа за руку, произнесла:

– И я люблю тебя. С самого певого дня не перестаю о тебе думать.

Когда я услышал это, моя голова закружилась, ноги ослабли, я вдруг испугался, что упаду от того, что меня оставили силы. Еле дыша я стал отходить назад, и это, должно быть, было ужасное зрелище: я пятился и пятился, пока не почувствовал, что стою на верхней ступеньке башни. Я больше не мог слышать, о чём они затем говорили, но мне это и не нужно было. Не разбирая дороги, я сбежал по ступенькам вниз так быстро, что уже через несколько мгновений оказался на улице. Когда я вышел из башни и жгучий летний воздух ударил в лицо, от душащей вокруг жары я стал ещё больше задыхаться. Тогда я опёрся на стену, и закрыв лицо руками, жалостно застонал.

– Эй, тебе жарко, парень? – чья-то тяжёлая рука упала мне на плечо. – На, выпей. Сегодня коптит как в аду, чёртово пекло! Да пей же, тебе говорят!

Один из стражников, бывший в карауле у ворот башни, протянул мне кувшин с водой.

Я ничего не ответил и не стал пить, мне лишь хотелось уйти отсюда, уйти как можно дальше, дальше от этой злосчастной башни, не будь которой, может, ничего этого и не случилось; дальше от проклятого города, которым теперь стала для меня Кордова. Не разбирая дороги я медленно побрёл вперёд: я ещё не знал, куда направлялся, но точно знал, что этим же вечером собираюсь покинуть город».

12. Последний разговор

– Ты ушёл так неожиданно, просто уехал, оставив меня одну! А Латиф, ты знаешь, как он волновался?

Доротеа выжидающе смотрела на Томаса. Томас хотел было что-то сказать, но в последний момент передумал, и лишь поджал губы. Он предусмотрительно сел так, чтобы лицо его было скрыто в тени комнаты, чтобы Доротеа не могла видеть, как тяжело даётся ему этот разговор.

– Я больше ни о чём тебя не прошу, только скажи: что случилось в тот день, на башне?

Было слышно, что ей трудно говорить, и она долго подбирала слова. Томас закрыл глаза. Он так ждал и так боялся, что этот день настанет.

– Там наверху, я кое-что понял, – сказал, наконец, он.

– И что же?

– Я понял, что мне пора уйти.

– От чего же ты уходишь?

– От тебя. Я слышал, как Латиф признался, что он тебя любит, а ты ответила ему тем же. Ты думала, что могла бы и дальше меня обманывать таким образом?

– Ох! – возглас её выражал ужас. – Всё должно было быть не так.

– Раньше и я так думал. Но вскоре понял, что Бог всё предусмотрел заранее, и что именно так всё должно было быть.

– Я люблю вас обоих, тебя и Латифа. Я не могла бы выбирать между вами.

– Но на башне Калаорра ты выбрала его.

– Это правда, я люблю его. Но я никогда не обманывала тебя и никогда не говорила, что люблю тебя как любовника, лишь как брата.

– Разве?

– Да.

Томас молчал. Доротеа, погрузившись в тяжёлые мысли, сидела перед ним, такая прекрасная и нежная, уставшая от долгой дороги. Но эта усталость делала её лишь прекраснее. Если бы она сказала: «Я люблю тебя, Томас, тебя, а не его», если бы она только так сказала, Томас тотчас же подхватил её на руки и простил бы любые обиды, и они ушли бы отсюда навсегда, начали бы новую жизнь, прекрасную жизнь вместе. Но Доротеа молчала; похоже, она не собиралась просить прощения.

«Ты так красива, моя девочка, такая родная и одновременно чужая. Сидит передо мной словно провинившийся ребёнок, нервно перебирает свои хрупкие пальчики. Как же я скучал по тебе, любимая! Как же сильно я буду скучать по тебе!» – думал Томас. И юноша наклонился вперёд, чтобы рассмотреть поближе лицо возлюбленной, и запомнить его: он знал, что им уже нескоро суждено встретиться, а быть может, в этой жизни им больше никогда не выпадет счастья видеть друг друга. Ветер стучал в окно, собирался дождь. Небо было затянуто грозowymi тучами и комната, в которой сейчас находились оба, выглядела зловеще: кроме голых стен, двух деревянных скамей и большого распятия перед входом, здесь больше ничего не было. Белый свет молнии на мгновение осветил комнату и Доротеа заметила, как холодно и непроницаемо было сейчас лицо Томаса, – словно походило на лицо мертвеца, с глазами, в которых застыла вечность. От таких мыслей Доротеа вздрогнула.

– Тебе холодно? – ласково спросил её Томас.

– Нет, – покачала она головой. – Хочешь, я привезу тебе чего-нибудь из города?

– Мне ничего не нужно, не беспокойся.

– Я могу тебя навещать... иногда?

Томас знаком ответил: «нет».

– Значит, я больше никогда тебя не увижу? – сказала девушка чуть не плача.

– Кто знает, – коротко ответил он.

В этот момент по небу прошёл низкий бас грома. Несколько птиц звонко защебетали и взметнулись в небо.

– Тебе пора уходить, – напомнил Томас.

– Ты прогоняешь меня?

– Я не хочу, чтобы ты промокла. Иди сейчас, пока не начался дождь.

Доротея медленно поднялась, сделала шаг навстречу. Затем, она осторожно спросила:

– Значит, всё кончено? – Томас молчал. И девушка продолжила: – Ты примешь постриг?

– Да.

– Ты хочешь этого?

– Да.

– А если я скажу, что люблю тебя?

После этих слов Доротея встала перед Томасом на колени, повторила:

– А что, если я скажу, что люблю тебя?

В этот момент лицо юноши помрачнело. Некоторое время он раздумывал, а затем холодным голосом, который Доротея никогда раньше у него не слышала, произнёс:

– Я больше не знаю другой любви, кроме любви к Богу.

Затем он встал, и высвободив свои руки из рук любимой, быстро зашагал к выходу.

13. Госпожа

«Когда я успела полюбить его? И люблю ли я его на самом деле или это всего лишь игра воображения? Я вообразила, что влюблена в незнакомца и что теперь мы будем счастливо жить в его огромном дворце. Этот дворец такой холодный, что мурашки по коже! Куда уютнее было сидеть в комнате Томаса и говорить с ним обо всём на свете.

– Что я наделала!

Воскликнула так громко, что должно быть, Латиф услышал мой возглас, но мне всё равно. Латиф никогда не заходил в мою комнату, а я никогда не заходила в его, так мы и живём – вместе и по отдельности. Мне кажется, так живут многие пары, что ж, тогда моя история самая что ни на есть обычная! В тот вечер, когда я приехала в Кордову из монастыря, где теперь жил Томас, Латиф ждал меня в прихожей дворца. Я вошла, а он сидел на софе и о чём-то думал. Заметив меня, он быстро встал, говоря:

– Я боялся, что никогда больше тебя не увижу.

Даже не взглянув на него, я прошла мимо. В полном молчании поднялась по мраморным ступенькам, туда, где находилась моя новая комната, во дворце, который теперь стал моим домом. Войдя в спальню, которая была так огромна, что можно было разместить здесь на ночлег целое войско, я бросилась на кровать и зарыдала, и поняла, какую непростительную ошибку только что совершила.

– Надо было сказать ему, что люблю его. Я люблю тебя, Томас.

Должно быть, в тот вечер я была самым несчастным человеком во всей Кордове.

Так неожиданно оборвалась моя дружба с тем, с кем я провела свои лучшие годы, и не менее грустно началась дружба с человеком, о котором я почти ничего не знала, кроме того, что его зовут Латиф, и что он живёт во дворце, богаче которого, должно быть, был только королевский дворец.

К своему ужасу я осознала, что не была влюблена в Латифа по-настоящему, а только была очарована им. Но к счастью, он оказался человеком благородным, а потому ничего от меня не требовал.

Уже вторую неделю я не выхожу из своей спальни и ничего не знаю о том, что происходит за этими дверями. На самом деле, меня мало интересует то, что там происходит, но иногда я думаю о Латифе и о том, что обхожусь с ним незаслуженно плохо. Разве виноват он в том, что я сделала неправильный выбор? Он был искренен со мной, открыл передо мной своё сердце, а я ответила ему безмолвием. Не знаю, что будет дальше: возможно, завтра я молча покину дворец и никогда больше сюда не вернусь, а возможно, смирюсь со своим положением, которое, если подумать, не так уж и плохо, и стану требовательной госпожой, помывающей бедными слугами. Вот и сейчас, стоит только позвать и передо мной появятся молоденькие рабыни.

– Исад! – зову, и двери без промедления распахиваются. На пороге стоят три служанки, кланяются, а самая юная из них – Исад, – говорит:

– Что желаете, госпожа?

Я смеюсь, ещё не зная, что мне пожелать. Мне кажется это обращение забавным: «госпожа». Вспоминаю, что с утра ничего не ела.

– Желая чего-нибудь вкусного. Только прошу: не трави меня этой рыбой с пряностями, у меня от неё внутри всё бурлит. Как насчёт чего-нибудь европейского... По-королевски изысканного, например?

– Да, госпожа, – говорит Исад покорно и снова кланяется. Когда они уходят, я довольно улыбаюсь собственной выдумке, хорошую загадку я задала поварам: «чего-нибудь вкусного, европейского, изысканного!»

Смеюсь каким-то безудержным смехом, от которого мне самой становится страшно. И думаю о том, что я ужасный человек, которого, должно быть, все во дворце уже успели возненавидеть. Кроме Латифа, конечно. Но ничего, пройдёт ещё немного времени, и он тоже возненавидит мой жуткий характер. Пока предаюсь своим мыслям, дверь спальни распаивается и на пороге появляется Исад. Она несёт тарелку с чем-то вкусно пахнущим, а мой желудок сводит от предстоящего удовольствия.

Я подпрыгиваю на кровати и хлопаю в ладоши от радости, словно ребёнок.

– Как вкусно пахнет! Ты просто волшебница!

Исад довольно улыбается.

Заглядываю в тарелку и вижу, что там лежит что-то странное, похожее на белых длинных червей.

– Какой ужас! – кричу и закрываю лицо подушкой. – Что это? Опять ваши восточные штучки?!

– Нет-нет, госпожа, – лепечет Исад испуганно, – это блюдо подают на обед королю Хуану⁵ и я подумала, что вы именно его пожелали.

Служанка смотрит на меня испуганно, а я смеюсь.

– Король обедает червяками? Похоже, дела в Кастилии совсем уж плохи!

– Нет, госпожа, это никакие не червяки, это – вермишель. Вермишель подают только королям и благородным сеньорам. Я подумала... Ах, простите!

Служанка снова кланяется.

– Перестань кланяться. И никакая я не благородная сеньора.

– Вас привёл во дворец хозяин, а потому вы самая что ни на есть благородная. Хотите, я попрошу повара приготовить другое блюдо?

– Нет-нет, оставь. Ну, попробуем, что ест наш король. Но если честно, эта... хм...

– Вермишель, госпожа.

– Да, вермишель – просто ужасно выглядит! Надеюсь, что хотя бы вкусно.

Недолго думая, беру столовые приборы и неумело орудая ими, пытаюсь выловить свой обед, но у меня ничего не получается.

– Может, вам и не нравится восточная еда, но понравится есть «по-восточному»?

– А как это «по-восточному», Исад?

– Правой рукой, госпожа: захватите вермишель тремя пальцами своей правой руки, оставляя свободными большой палец и мизинец, – и она выставила вперёд три своих худеньких пальчика, показывая, как нужно делать, – так мы едим на востоке.

Я отставила приборы и стала подхватывать вермишель рукой, но похоже, у меня это не очень хорошо получалось, потому что служанка захихикала:

– Вы так смешно едите! Какая же вы забавная!

От такого замечания я тоже рассмеялась, и впервые за всё это время, что я провела во дворце, смеялась искренне».

⁵ Хуан II Кастильский – король Кастилии и Леона с 1406 – 1454 гг.

14. Утро во дворце и запрет на поцелуи

– Доброе утро, госпожа, – сказала Исад, заходя в комнату.

Доротеа уже сидела за ночным столиком и расчёсывала длинные волосы большим деревянным гребнем.

– Я же просила не называть меня госпожой.

Служанка покорно склонила голову.

– Как скажете, Доротеа.

– Уложи волосы как можно лучше, – Доротеа подала Исад гребень. – Сегодня я буду завтракать в парадной.

– Вы покинете свою комнату! – воскликнула Исад радостно. – Это прекрасная новость!

«Надеюсь, эта новость будет прекрасной и ещё для одного человека, – подумала Доротеа. – Интересно, что он скажет, когда я выйду? Обрадуется, прогонит, или сделает своё обычное непроницаемое лицо, какое он всегда делает, когда не знает, что сказать? Скоро мы это выясним».

После того, как волосы Доротеи были заплетены в тугий пучок, основание которого Исад затянула белой шёлковой лентой с россыпью мелких бриллиантов, служанка принялись подбирать платье.

– Ах, это хочу! – воскликнула Доротеа радостно, завидев карамельного цвета платье с расшитым корсетом, – какое оно красивое!

Платье и правда было красивое, и несмотря на довольно скромный покрой, на Доротее оно сидело великолепно, делая её фигуру ещё изящнее.

– Исад, неси твои душистые масла! Хочу сегодня пахнуть весной!

– Уже несу!

– Нет-нет, помажь вот тут... И на запястье... Тебе жалко масел, хитрая? И ещё немного на шею, совсем слегка... Вот так! Я хороша, как тебе?

– Вы очень хороша!

– Я очень хороша! Другого ты и не скажешь. Ну что ж, раз всё готово, я иду вниз.

– Идите, Доротеа, всё готово.

– А что на завтрак? Королевские червяки?

– Нет, яичница и стручковая фасоль.

– Опять одно и то же... Ну и пусть. Я вся в предвкушении!

И молодая хозяйка направилась в парадную. Когда она вошла, то увидела что на столе уже стоит тарелка с дымящейся яичницей и стручковой фасолью, кувшин с соком и корзинка со свежим хлебом. Но было кое-что, что Доротее сразу же не понравилось: завтрак был сервирован на одного.

– Исад, – позвала Доротеа, усаживаясь за стол. – Разве я буду завтракать одна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.